

А они — целый материк в океане советской поэзии. Л. Озеров назвал поэтов, прошедших фронтовыми дорогами, «летописцами прошедшей войны». Стремясь «из пепла вырвать давний миг», советские поэты ставят из вечно живого слова памятники и безымянным рядовым войны, и тем, кто оставил в наследство народу памятники-стихи:

И в мартирологе несметном
Вы взять сумели свой урок.
И мертвый возникал бессмертным
На постаменте ваших строк [11, с. 14].

В статье освещены лишь некоторые особенности стихов о писателях-воинах как особой жанрово-тематической области современной многонациональной советской лирики, тяготеющей к философскому осмыслению героической темы. Она отличается романтической экспрессией, использованием условных форм изображения. В ней решается не только тема поэта в трагическом мире войны, но и создается концепция положительного героя как личности героической, воплощающей судьбу поколения и целого народа.

1. Браун Н. К вершине. Стихи. Л., 1982. 2. Володимиру Сосюрі: Збірник. К., 1958. 3. День поэзии 1956. М., 1956. 4. День поэзии 1971. М., 1971. 5. День поэзии 1977. М., 1977. 6. День поэзии 1979. Л., 1979. 7. День поэзии 1982. М., 1982. 8. День поэзии 1983. М., 1983. 9. Кешоков Алим. У меня в гостях: Стихи. М., 1966. 10. Коган А. Г. Сквозь время. М., 1973. 11. Озеров Л. Вечерняя почта. М., 1974. 12. Озеров Л. Дальняя слышимость. М., 1975. 13. Окунев Ю. Лирика прежде всего. Волгоград, 1968. 14. Румянцева М. Характеры. Воронеж, 1977. 15. Савич И. На шляхах буття. Донецьк, 1971. 16. Симонов К. Из трех тетрадей: Стихи. Поэмы. М., 1979. 17. Танк М. Стихотворения и поэмы (Пер. с белорус.). М., 1959. 18. Шадур П. Лица людей: Стихотворения и поэма. Донецк, 1978. 19. Шагилов Н. Ладонь. Х., 1965. 20. Вітчизна. 1978. № 10. 21. Ворошиловградская правда. 22. Дружба народов. 1975. № 10. 23. Литературная Россия. 24. Новый мир. 1985. № 5. 25. Юность. 1985. № 4.

Статья поступила в редколлегию 20.09.85

Р. М. Горюнова, доц.,
Симферопольский университет

«Города и годы» К. Федина и «Потерянный кров» Й. Авижюса (к вопросу о преемственности в развитии советского военного романа)

Современная многонациональная проза о Великой Отечественной войне продолжала лучшие традиции советского эпоса, обращенного к событиям революции и гражданской войны. У истоков военно-патриотической литературы — «Тихий Дон» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Города и годы» К. Федина, «Разгром» А. Фадеева, «Железный поток» А. Серафимовича. Последующие поколения писателей не могли

пройти мимо творческого опыта крупнейших мастеров художественного слова. Созданные ими произведения наследовали героический пафос, патриотическое звучание, эпические традиции молодой советской прозы. Вместе с тем, развиваясь поступательно, военная литература обнаруживала напряженные идейно-нравственные, жанровые, стилевые искания.

Вопрос о соотношении традиционного и новаторского, о преемственности в развитии литературы значительно усложнился на современном этапе, когда в едином движении советской прозы наблюдаются процессы взаимодействия и взаимовлияния разнонациональных литератур. Этот процесс вызывает закономерный интерес исследователей. В научно-критических работах наметился поворот от эмпирических рассуждений, умозрительности к изучению конкретных художественных фактов, к осмыслению отдельных историко-литературных явлений [3].

Несомненный интерес в этом плане представляет роман И. Авижюса «Потерянный кров». Появившийся на рубеже 60—70-х годов, он органично вошел в общее русло развития современной литературы о минувшей войне. Вместе с тем это произведение, отмеченное своеобразием авторской социально-исторической концепции, спецификой заключенного в нем жизненного материала, яркое по своему национальному колориту.

Критики и литературоведы указывали на известную близость идейно-эстетической концепции «Потерянного крова» и «Тихого Дона», обнаружившую, при всей оригинальности творческой манеры И. Авижюса, его ориентацию на художественные открытия М. Шолохова. Шолоховские традиции исследователи усматривали прежде всего в стремлении И. Авижюса показать личность переломной эпохи, смятенного человека, трагическим путем идущего к обретению социально-исторической истины. Однако дальше общих замечаний критики не шли [5, с. 94]. Согласившись с тем, что И. Авижюс, следуя М. Шолохову, ищет пути художественного воссоздания эпического характера, обратим внимание на принципиальное отличие вышедшего из низов и вобравшего народный опыт, отягощенного сословными предрассудками Григория Мелехова от рефлексирующего интеллигента, поэта Гедиминаса Джюгаса. Говорить о созвучии этих характеров можно только в очень широком смысле, как и о традиционности И. Авижюса, испытавшего, по нашему мнению, комплексное воздействие разных художников, глубоко воспринявшего как национальный опыт, так и эстетические искания русской советской прозы.

Литературоведы правы, когда пытаются соотнести идейно-эстетическое содержание «Потерянного крова» не столько с романами 70-х годов о Великой Отечественной войне, сколько с эпическими произведениями, обращенными к эпохе первой мировой войны, революции, войны гражданской («Тихий Дон»). Этот принцип плодотворен, так как сама социально-политическая ситуация, повторившаяся на новом временном, историческом витке, породила проблемы и человеческие характеры, к

которым обратились писатели. Однако, говоря о литературных предтечах «Потерянного крова», мало ограничиться упоминанием блестящего произведения М. Шолохова. Попробуем проанализировать другую историко-литературную параллель. Почти столетия отделяет выход в свет романа К. Федина «Города и годы» (1924) от «Потерянного крова» И. Авижюса (1971): В романе К. Федина дана «картина двух миров той эпохи», которая отмечена кровавой бойней первой мировой войны, революционными событиями в России и Германии, гражданской войной в России. Обратившись к изображению русского и немецкого народов, жизни малых народностей Поволжья, эпохе революционных потрясений, писатель не мог не коснуться вопроса о национальной свободе, самоопределении нации, принципах существования нового многонационального государства.

В центре его повествования — судьбы интеллигенции и революции, опаленного войной «потерянного поколения», трудный путь которого совпал с эпохой революционного перелома. В послесловии к роману «Города и годы» (1951) писатель подчеркивал, что его книга главным образом о войне. Как предупреждение написаны К. Фединым картины жизни Германии 1914 г., где «в мещанской, буржуазной и особенно юнкерской среде было национальное высокомерие и воинственная нетерпимость ко всем немецким народам», где уже начиналось «безумие шовинизма» [6, т. 2, с. 418]. И если «Города и годы», книга, сожженная на кострах в гитлеровской Германии, лишь «касается истоков катастрофы, в которую мир был ввергнут нацизмом» [6, т. 2, с. 429], то «Потерянный кров» посвящен изображению самой катастрофы.

Это роман о второй мировой войне. И. Авижюс обращается к драматическим страницам истории литовского народа, когда эпоха революционных потрясений, восстановление советского строя совпали с трагедией фашистской оккупации, с Великой Отечественной войной советского народа против захватчиков. Сложившаяся социально-политическая обстановка обострила решение вопроса о самоопределении малой нации, о национальной свободе. Эта проблема — одна из центральных в романе И. Авижюса. Его, как и К. Федина, волнует судьба интеллигенции, крестьянства. Как и его предшественник, И. Авижюс решает проблему положительного героя эпохи, коммуниста-революционера.

Если роман К. Федина охватывает восемь лет исторической жизни (1914—1922), то события «Потерянного крова» относятся лишь к 1941—1943 гг. Проблемы, характерные для переходной эпохи, литовскому народу предстояло решить в более короткий срок. Вопрос о выборе исторического пути встал перед народом, проблема социально-нравственного выбора, определения жизненной позиции — перед каждым человеком.

«Потерянный кров», как и роман К. Федина, построен концентрически. В центре фединского повествования — Андрей

Старцов, человек, который не нашел в себе сил «принять исторически разумную борьбу революции» [6, т. 2, с. 416]. «Судьба его становилась исключением, — отмечает автор, — довольно, правда, распространенным среди той части интеллигенции, к которой он принадлежал» [6, т. 2, с. 416]. О том, что судьба Андрея Старцова — не исключение в эпоху перелома, свидетельствует жизненный путь Гедиминаса Джюгаса, поэта и учителя истории («Потерянный кров»).

Во многом близки характеры и судьбы главных героев интересующих нас произведений. И Андрей Старцов, и Гедиминас Джюгас «блуждают в поисках своей дороги» [2, с. 94]. В штормовую эпоху они стремятся быть «над схваткой», ищут несуществующий третий путь» в жизни, пытаются отгородиться от раздираемого противоречиями мира. С горечью и сожалением пишет К. Федин о человеке, который «до последней минуты не совершил ни одного поступка, а только ожидал, что ветер пригонит его к берегу, которого он хотел достичь» [6, т. 2, с. 407]. Как и Андрей Старцов, Гедиминас Джюгас убежден, что «надо жить в непроходимом лесу, отгородившись от мира» [2, с. 87]. Проповедуя абстрактные идеи добра и красоты, ложно поняты чести и долга, философию эгоцентризма, герои замыкаются в себе. К. Федин пишет: «Мир, который окружал его, был непоколебимой толщей. Она омывала Андрея, как вода» [6, т. 2, с. 129]. «Все, что мы можем сделать, — философствует Гедиминас Джюгас, — это стараться остаться честными. Человек безоружен, но у него есть крепость — он сам, и, закрывшись в ней со своей совестью, он может обороняться» [2, с. 87].

Не случайно герои трагически ощущают враждебность мира, воспринимают его как бесконечную пустыню, в которой легко затеряться. Андрей Старцов несет в своем сознании отвращение ко всякому насилию, к любому кровопролитию. «Кровь, кровь, — вот что тебя пугает. И эта вечная опаска, что рождает зло», — упрекает Андрея Курт [6, т. 2, с. 284]. Герои Авижюса одержимы желанием остаться с чистыми руками, не пролить человеческой крови. «Не мною создан такой мир, и не мне за него отвечать» [2, с. 166].

Субъективно не желая того, объективно, волею обстоятельств герои оказываются вовлеченными в круговорот жизни. Неудавшийся побег Андрея, встреча с революционным Петербургом, разбуженная российская провинция, контрреволюционный мятеж, повешенный карателями Федор Лепендин, бой под Санышиным... После кровавого столкновения с врагом Андрей, наконец, понимает: «Это было ложное сознание, будто я не несу ответственности за ужас, который совершается в мире» [2, с. 392]. Прозрение Старцова, казалось, должно направить его по верному пути — с Куртом, с Голосовым, с Покисеном. Но — роковая встреча с маркграфом Мюлем-Шенау... Один из героев И. Авижюса говорит о Гедиминасе: «Не свой, но и не враг же...» [2, с. 242]. Это — характеристика

и Старцова, который, попав в экстремальную ситуацию, становится врагом. Курт Ван стреляет в Андрея. К. Федин рисует трагически закономерный финал жизни человека, который «не мог подчинить личную жизнь суровым, но и великим задачам времени, и это ему отомстилось» [6, т. 2, с. 416].

В отличие от К. Фебина, И. Авижюс оставляет своего героя на распутье. Но перелом в его сознании уже произошел. Пережив смерть Саулюса, гибель Василия, потеряв Милду, пройдя все круги ада в фашистском застенке, Гедиминас, подобно Старцову, осознает, что «когда вокруг бушует огонь, нельзя не опалить крыльев» [2, с. 337]. Он понимает, что иллюзорна избранная им роль зрителя. Убийство Джюгасом провокатора означает решающий поворот в его судьбе. И хотя И. Авижюс оставляет финал романа открытым, сама логика художественного повествования, логика развития характера Гедиминаса убеждает во внутреннем совпадении дальнейшего пути Джюгаса с дорогой Красного Марюса.

Художественно воссоздавая единый социально-психологический тип, К. Федин и И. Авижюс, представители разных писательских поколений, основывающиеся на различных культурно-национальных традициях, используют во многом неоднородные принципы характеросложения. Обоим присуще стремление показать внутренний мир героя, вскрыть особенности мировосприятия творчески одаренной личности, художнической натуры, склонной к рефлексии, самоуглублению. Не случайно и К. Федин, и И. Авижюс активно вводят в повествование несобственно-прямую речь, нередко используют такие формы самовыражения героя, как дневник, исповедь в письме, сон. Но если душевное состояние Старцова К. Федин раскрывает преимущественно при помощи точной авторской психологической характеристики, то И. Авижюс в духе времени, опираясь на традиции литовского лирико-психологического письма, дает развернутую картину эмоциональной жизни героя. Для этого писатель насыщает роман интроспекцией, часто обращается к таким приемам психологического анализа, как внутренний монолог, «поток сознания»:

И К. Федин, и И. Авижюс рисуют образ блуждающего интеллигента в сопоставлении с истинным героем эпохи, революционером, коммунистом.

Обращаясь к событиям военной, революционной эпохи, писатели стремятся показать ее опору, тех, кому принадлежит будущее. Это люди революционного долга, целеустремленные, непреклонные, убежденные в правоте своего дела, сумевшие всецело подчинить свою жизнь борьбе. «Они ничего не замечают под ногами, они вечно — вперед и вверх. И с таким напряжением, точно они не люди, а какие-то катушки, румкорфовы катушки» [6, т. 2, с. 7], «моя вина в том, что я не проволочный» [6, т. 2, с. 8], — думает «рохля» Старцов. «Должны же быть в мире люди, не разучившиеся плакать и смеяться!» [2, с. 97], — вторит ему Гедиминас.

Внешние скупые зарисовки героев («высокий, прямой, негнущийся» Курт Ван, «тугой, как натянутый канат» Марюс) — еще не свидетельство их духовной бедности. И К. Федин, и И. Авижюс умеют показать, что под железной броней бьется горячее, израненное сердце.

Образ Красного Марюса типологически созвучен героям нашей литературы 20-х годов (Левинсон в «Разгроме» А. Фадеева, Кожух в «Железном потоке» А. Серафимовича, Курт Ван в романе К. Фебина). Но если изображение Курта ограничено аскетическим показом его лишь в сфере социально-активного действия, то И. Авижюс, согласно идейно-художественным требованиям современной эпохи, «очеловечивает» образ, вторгаясь в мир сложных переживаний героя, в частности, рассказывая драматическую историю любви Аквиле и Марюса. Под внешней суровостью и непреклонностью обнаруживается нежная, эмоционально чуткая, живая душа, постоянно контролируемая волей и разумом. Через внутренний монолог, непосредственное раскрытие «тайного тайных» человека передает И. Авижюс духовное богатство такой личности, как командир литовских партизан Марюс Нямунис.

И в романе И. Авижюса, и в романе К. Фебина значительное место занимает тема крестьянства. Показательно, что и одного, и другого прозаика привлекает наиболее сложный человеческий материал, с которым столкнулась революция. В «Потерянном крове» немало страниц уделено Кяршису, крестьянину, в котором силен частнособственнический инстинкт. Он и при оккупантах умеет жить сытой жизнью. «Зверек и тот свою нору вглубь роет...» [2, с. 195], — рассуждает Пеликасас. Утилитарная житейская мораль Кяршиса сводится к тому, что при любых властях и обстоятельствах крестьянину полагается пахать землю и «всех кормить», такова уж судьба земледельца. По сути, это еще один, очень своеобразный вариант поисков «третьего пути» в расколотом социальными противоречиями мире. Философия смирения прочно вошла в крестьянское мировосприятие Кяршиса: «Я только комар, которого носит ветром...» [2, с. 133].

На подобную социально-историческую фигуру обратил внимание и К. Федин. Впечатляюще нарисованный им дядя Кисель «ради покоя к немцу нанялся на работу» [6, т. 2, с. 264]. «Ты за свое хозяйство черту душу продашь» [6, т. 2, с. 264], — говорят солдаты.

Если в романе К. Фебина дядя Кисель, при всей его колоритности, — лицо эпизодическое, то И. Авижюс эпически глубоко разворачивает сюжетную линию Кяршиса, раскрывает психологию своего героя, убеждая в исторической несостоятельности его позиции.

В фединском романе один из персонажей выносит приговор подобным типам: «Я говорю, что кто хочет в одиночку быть, сам по себе, — такой человек в наше время не жилец». «Этаких людей нам не надо» [6, т. 2, с. 271]. И. Авижюс развенчи-

вает жизненную философию Кяршиса исподволь, показывая, как суровая действительность безжалостно разрушает возводимый им мир спокойствия и благополучия.

Наконец, интересно сопоставить исследуемые произведения еще в одном плане. Й. Авижюс — один из немногих современных прозаиков, обратившихся к открытому, развернутому изображению двух миров, двух социальных систем, непримиримых идеологий. В романе, насыщенном философскими спорами, интеллектуальными раздумьями, немало места уделено описанию врагов.

Сопоставлен с Гедиминасом Джюгасом по принципу сложного внутреннего контраста Адомас Вайнорас. Й. Авижюс рисует драму «несостоявшейся судьбы», показывает человека, который проходит жестокую проверку своих политических убеждений.

Образ Адомаса, как и характер Гедиминаса, сложен и противоречив. Авижюсу «было важно проникнуть в человеческую сущность Адомаса, в сокрытые пружины его сознания и как личности, индивида, и как социального типа» [1, с. 170].

Находясь в плену националистических иллюзий, мечтая о государственной независимости Литвы «без большевиков», Адомас Вайнорас считает возможным сотрудничество с фашистами, надеется, что цивилизованный Запад «подарит» Литве долгожданную свободу. «Вращаясь в механизме оккупационной машины», Адомас, не желая того, помогает фашистам истреблять нацию, интересам которой он мечтал посвятить свою жизнь. Отрицающий вначале насилие («Мне лично противно стрелять человеку в спину, да еще своему, литовцу»), Адомас смыкается с Гедиминасом в своем стремлении остаться с чистыми руками среди моря человеческой крови. Однако и Джюгас, и Вайнорас вынуждены встать по ту или иную сторону баррикады. После убийства русского летчика и расстрела литовцев в Ольшанике Адомас постигает страшный смысл происходящего с ним: «Если ты начальник полиции, и где-то стреляют, то должен куриться дымок и из дула твоего пистолета» [2, с. 204]. Подчинившись «временно» садистской философии фашизма, Адомас непоправимо теряет не только прежние взгляды, убеждения, иллюзии. Он платит самой высокой ценой, ценой своей души и рассудка. Таков финал философии исторического компромисса.

Образ Адомаса Вайнораса в романе Й. Авижюса исполнен большого смысла. По верному наблюдению А. Бучиса, за частной драмой отдельного человека в «Потерянном крове» стоит драма народа: «Не может ли разойтись с логикой истории народ? Этот вопрос один из центральных и самых сложных в романе Авижюса» [4, с. 393].

Адомас Вайнорас, Бугянис и им подобные оказываются удобным орудием в руках гитлеровского приспешника Дангеля. Используя их, расправляется он с литовцами, цинично заявляя: «Маленькому народу, со всех сторон стиснутому могу-

чими соседями, раньше или позже суждено раствориться» [2, с. 175].

Зловещую фигуру Дангеля как бы предвосхищает маркграф Мюлен фон Шенау («Города и годы»), использовавший в 1919 г. оппозиционные настроения некоторой части мордвы для организации контрреволюционного мятежа. «Симпатии мордвы на стороне нерусских народностей. Мы, ведущие борьбу с русскими, легче всего найдем общий язык с мордвой». «У нас общий враг» [6, т. 2, с. 317], — рассуждает «друг мордовской свободы», толкая народ на кровопролитие. Мюлен фон Шенау, как и впоследствии Дангель, утверждает, что «колония должна еще пройти путь просвещенной тирании» [6, т. 2, с. 316].

Национальное высокомерие таких, как Мюлен («В конце концов один род маркграфов фон цур Мюлен-Шенау стоит всей княжеской истории мордвы!») со временем приведет к политике геноцида, оплаченной жертвами второй мировой войны. «Арийская раса, как самая ценная часть человечества, должна похоронить под руинами прежней цивилизации все неполноценные расы» [2, с. 60], — заявляет переродившийся в немца литовец Ропп («Потерянный кров»).

Наследуя гуманистические традиции советской литературы, в частности уроки К. Федина, И. Авижюс усиливает антивоенную, антифашистскую направленность произведения.

Интернационалистический пафос романа К. Федина, где в едином строю борцов за революцию мы видим и русского Семена Голосова, и финна Покисена, и немца Курта Вана, в высшей степени свойствен роману И. Авижюса, хотя сама идея интернационализма выражена в иной художественной форме.

Таким образом, при всей оригинальности, самобытности и неповторимости изучаемых произведений можно обнаружить их внутреннее родство, обусловленное и близостью социально-исторических сюжетов, и едиными идейно-эстетическими принципами: общей нацеленностью писателей на изображение важнейших процессов эпохи, сложных человеческих характеров.

1. Авижюс И. Наедине с героем // *Вопр. лит.* 1975. № 3. 2. Авижюс И. *Потерянный кров*. М., 1980. 3. Бикмухаметов Р. *Орбиты взаимодействия*. М., 1983. 4. Бучис А. *Роман и современность*. М., 1977. 5. Гусейнов Ч. Г. *Формы общности советской многонациональной литературы*. М., 1978. 6. Федин К. *Сочинения: В 9 т.* М., 1959—1962.

Статья поступила в редколлегию 14.02.85.